

Эдуард АСАДОВ:

Не надо сдаваться, люди!

Тр 49 - 1998 - 14 янв - с. 6

В наступившем году у поэта Эдуарда Асадова — юбилей особого рода. 50 лет назад журнал "Огонек" впервые напечатал его стихи. С тех пор Эдуард Асадов (как бы кто к нему не относился) остается одним из самых

читаемых поэтов России. Даже среди сегодняшних "новых песен" не затерялся недавно изданный, тридцать первый по счету сборник его стихов "Не надо сдаваться, люди!".

— Да, я прекрасно помню, как почти полвека назад в киоске возле Московского Дома ученых купил тот номер "Огонька". И вдыхал его аромат, словно букет моих любимых белых роз. Это было 1 Мая, рядом проходила и пела праздничная колонна. Казалось, весь мир ликует вместе со мной.

Вообще-то было удивительнейшее время. В моей жизни, может быть, даже лучшее: мои литературные вечера превращались в настоящие праздники. Тысячи людей аплодировали стоя, и я чувствовал, что нужен, понятен и любим... Никогда не противопоставлял себя обществу, моим читателям. Жил той же жизнью, что вся страна. Хотя сегодня говорить о советском периоде предпочитают или с иронией, или с резким осуждением. Но не все так просто. Конечно, было много несправедливого, я сам испытал это на себе. Но была и подлинная духовность. Труд был одухотворен верой в будущее, поэтому строили — на века. Говорят, мол, тогда была уравниловка. Но каким словом назвать то, что происходит сейчас, когда один человек получает все, а другой — ничего? Можно подумывать, он один с киркой и лопатой выстроил, например, Уралмаш... В любом случае, исправляя ошибки прошлого, глупо оглулом оглывать собственную историю.

— **Говоря о несправедливости, вы имеете в виду, что ваш труд мало отмечен правительственными наградами, нет литературных премий? При вашей популярности как поэта это, конечно, странно...**

— Ничего. Для меня официальное признание особого значения не имеет. Потому что есть другое — народное. Больше всего я горжусь званием почетного гражданина Севастополя — сражался за него против фашистов. И победа для меня гораздо важнее медали. Я никогда не "гнал агитпроп", вообще не писал на заказ. Мой читатель — это народ. А как может вызвать свою признательность простой человек? Написать письмо со словами благодарности, верно? Таких теплых писем я получил десятки тысяч.

— **Вас часто спрашивают о слепоте...**

— Да, спрашивают. И я всегда отвечаю, что мне это неприятно. Но раз интересует — рассказываю... Причиной стало тяжелое ранение 4 мая 1944 года, как раз под Севастополем. Я пошел на фронт добровольцем, в июне 41-го, сразу после выпускного бала в школе. С первого дня служил в батарее "катюш", воевал под Москвой, Ленинградом... Под Севастополем был уже офицером, командиром батареи. Ранило во время передислокации, минометным выстрелом. Огонь со стороны фашистов был очень плотным... Помню фамилию офицера, которому я докладывал о выполнении приказа — Ульянов, капитан.

— **Вам не кажется странным, что гражданской, Отечественной войнам посвящены многие выдающиеся произведения литературы, а о чеченской войне вроде и не торопятся писать? Хотя это такое потрясение...**

— Ничего странного. Те войны были справедливые, тогда решалась судьба Родины. Сражаясь на любом участке фронта, каждый боец верил, что он защищает свой собственный дом, свою семью и могилы предков. Отсюда и массовый героизм — именно он вдохновлял писателей и поэтов. А в Чечне? Эта война вызывает лишь

Фото Бориса Кудрявова.

резкое осуждение. Возможно, повяжутся со временем одна-две импровизации на тему толстовского "Хаджи-Мурата" — на большее надеяться трудно. Другое дело, эта война может отразиться в чеченской национальной литературе. Но пока нет и этого...

— **Говорят, жизнь ломает каждого человека. Разница только в том, что одни становятся жалкими, а другие — крепкими. Кто-нибудь повлиял на формирование вашего характера?**

— Дед повлиял. Иван Калустович Курдов. Родом он был с Нагорного Карабаха. В юности работал секретарем у Чернышевского, когда тот вернулся из ссылки. Потом дед учился на медицинском факультете в Казанском университете, там он познакомился с Лениным, вместе занимались организацией нелегальных библиотек. Но еще в университете пути их разошлись. Дед по убеждениям был революционным демократом, считал образцом Рахметова. На гвоздях, правда, не спал, но был так же суров и силен физически. Никогда не лгал. Революцию принял, но последующие репрессии и культ личности его глубоко разочаровали. К карьере не стремился и старался, как мог, выполнять свой долг врача. Благодаря ему я усвоил, что среди всех человеческих пороков предательство и лживость — наихудшие. И еще благодаря деду не переносил бранных слов.

— **А ведь, между прочим, многие литераторы сделали сегодня карьеру именно на текстах с густым потоком ненормативной лексики.**

— Литературный язык — как палитра художника, а похабщина — это как грязь. Если вы — художник, то у вас нет необходимости использовать грязь: оттенки серого цвета легко достичь и красками. Многие, даже классики, пробовали экспериментировать, сочетая нормативную и ненормативную лексику, но ничего особенного в результате не вышло. Литература от этого не выиграла. А вот на репутацию писателя — их ведь в России воспринимают как духовных наставников — появилось пятно.

Согласен, непечатные выражения — быстрый способ привлечь к себе внимание. Но это тупик. Тот, кто воспринимает подобную литературу всерьез, по-моему, лишен литературного вкуса. Другое дело, шуточные народные жанры — частушки, загадки, анекдоты, сказки...

— **Случались ли в вашей жизни события, которые хочется вычеркнуть из памяти?**

— Вычеркнуть? Нет. Хотя воспоминаний, причиняющих боль, накопилось немало... Из этих пе-

реживаний и рождаются стихи. Так были написаны "Стихи о рыжей дворняге", "Падает снег", "Белые розы". Нужно быть честным в отношениях с людьми, иначе совесть не даст покоя.

— **Раньше на снимках я видел вас с папиросой. Больше не курите?**

— До пятидесяти лет — да, курил. Преимущественно "Казбек". А потом врач сказал: "Эдуард Аркадьевич, жизнь или табак!" Я пришел домой, положил на стол пачку папирос, сверху спички и решил: все. Книга стихов, где я в последний раз сфотографировался с папиросой, вышла в 73-м. С тех пор не курю. Та пачка еще три года лежала на столе, но меня к ней так и не потянуло.

— **Немало молодых авторов позаимствовали из ваших стихов — кто мысль, кто образ, а кто фразы. Как вы к этому относитесь?**

— Заимствования бывают разными. Например, я знаю, что мои строчки довольно часто произносит тамада на свадьбах или других праздниках, пишут на поздравительных открытках. Мне это приятно, хотя при этом меня, как автора, не упоминают. Конечно, тех, кто тащит целыми кусками, понятное дело, не люблю. Но никогда с ними не судился.

— **Как вы оцениваете те процессы, которые происходят в современной культурной жизни России?**

— Многие вызывают тревогу. Литературное творчество — занятие теперь нерентабельное. Пушкин был первым в России поэтом, который получал гонорар за свой труд. Сегодня от нас к стихам требуют тонны бумаги, предоплату, а потом предлагают самому заняться распространением тиража. Однако поэт не может одновременно быть и оборотистым предпринимателем, так уж мы устроены. Но тогда вперед выступает боевая бездарь, а от этого страдает общее качество литературы. И уже это неизбежно снижает планку моральных ценностей и духовных потребностей.

Разрушать духовные традиции в литературе легко — достаточно просто создать дикие условия для творчества.

— **Как вы понимаете слово "труд"?**

— Это самое высокое слово, ключ к пониманию смысла жизни. Это слово, которое объединяет всех людей. Еще это и название хорошей, на мой взгляд, газеты. Передаю привет всем читателям "Труда". Знаю, что среди них много тех, кто любит мои стихи, а значит, близких мне людей.

Беседу вел
Сергей НОВИЧКОВ.
МОСКВА.